

## **«Произведение всероссийского народа». Дворянство**

Когда в 1721 году в торжественный день празднования Ништадтского мира Сенат «поднес» Петру I несколько титулов («Великий», «император», «Отец Отечества»), государь не ломался, как это подчас бывает заведено у тиранов, а с благодарностью принял эти титулы, ибо по праву считал, что заслужил. Особо интересен в этом смысле римский по происхождению титул «Отца Отечества». Действительно, Петр I относился к своим подданным как к детям, подчас неразумным, даже ленивым, и много делал для их образования. Но истинно и то, что он с помощью реформ создал заново российское общество, придал ему иную, чем прежде, структуру, образ жизни и мышления на многие десятилетия вперед.

Важнейшим результатом реформ стало образование нового сословия дворянства. То дворянство, которое мы знаем по русской классической литературе XIX века, появилось именно благодаря Петру I. До него понятие «дворянин» относилось к довольно низкой служилой прослойке – «дворяне московские», «дворяне городовые». Выше них по лестнице чинов стояли жильцы, стольники, бояре, элита того времени. Они были горды своим происхождением, «отечеством», славными предками, кои были в родстве с Рюриковичами. Петр I разрушил старую систему чинов и ввел новую, непривычную. В этой системе главным было не происхождение, а личная, персональная выслуга перед царем и Отечеством.

Теперь все служилые люди независимо от происхождения становились «российскими дворянами» или, как тогда на польский манер говорили, «российским шляхетством».

Петр утвердил принцип, по которому по-настоящему привилегированным членом общества – дворянином – ты являешься только тогда, когда служишь. Указом 1712 года он установил старшинство офицера перед неслужащим дворянином: «Сказать всему шляхетству, чтоб каждый дворянин во всяких случаях, какой бы фамилии не был, почесть и первое место давал каждому офицеру и службу почитал. А ежели не почтит шляхтич офицера, положить штраф треть его жалования». После такого указа любой прапорщик может встать впереди любого знатного бездельника, штафирки. Петр воспринимал себя не только Отцом нации, но прежде всего учителем, мастером, который учеников, подмастеров учит делу, а у непослушных спины «полирует» дубиной. В одном из посланий жене Екатерине он писал, что садовники его не сообщают ему о ходе дел в Летнем саду. Скажи им, пишет Петр, вот приеду, привезу им в подарок «по кафтану стеганому». Какие «стеганные кафтаны» склонный к мрачному юмору Петр привозил своим непослушным подданным, все знали! Первая заповедь для русского дворянства была «Учиться! Учиться! Учиться!», а кто не хотел – берегись! В истории России уникален указ 20 января 1714 года. Согласно ему молодому дворянину, не постигшему первоначальных знаний, запрещено жениться: «Послать во все губернии по несколько человек из школ математических, чтоб учить дворянских детей цифири, геометрии и положить штраф такой, что не вольно будет жениться, пока сего выучится». Правда, почти сразу возник вопрос, что делать с дураками, которые знаний постигнуть не могут, а жениться хотят. По указу Петра людям слабоумным, больным, признанным негодными к службе, запрещалось жениться, а слабоумных девиц запрещали выдавать замуж. Были определены так называемые «урочные годы» – испытательный срок для «дураков», взятых на службу. Если они его выдерживали, то женитьба им разрешалась.

Императорским указом 1724 года Петр запретил таким дуракам жениться. Тогда же на Руси появились первые «пенсионеры», отправленные учиться за границу на казенный счет. Для оставшихся в России дворян единственным путем стать офицером была служба в солдатах гвардии. Иначе говоря, им предстояло пройти путь самого Петра.

*Понеже многие производят сродников своих в офицеры из молодых, которые с фундамента солдатского дела не знают, ибо не служили в низких чинах, а которые и служили только для вида по несколько недель или месяцев, того ради... впредь сказать указ,*

*чтоб из дворянских пород в офицеры не писать, которые не служили солдатами в гвардии. Шляхетству российскому иной способ не остается в офицеры происходить, кроме что служить в гвардии.*

Петр знал, о чем он говорил. Не начавший служить снизу службы знать не будет. Как-то раз царю донесли, что матросов с какого-то корабля во множестве ловят на кражах. Царь распорядился провести строгую ревизию доходов офицеров корабля, ибо считал, что «ноги матросского воровства из злоупотреблений начальства растут».

Уже поэтому как-то неудобно называть петровское дворянство господствующим классом. Учись, служи всю жизнь, да все с ограничениями, под угрозой наказаний. А состарился дворянин на службе, прискакал на деревяшке на смотр, врачи освидетельствуют, что глух, слеп, из ушей черви ползут (и такое бывало), – все равно служи где полегче: в воеводах, комендантах. А не послушаешься, скроешься в деревне – соседи про то донесут в «Стукалов приказ» (так называлась тайная полиция, куда «стучат»), государь имения лишит, да на каторгу в Петербург пошлет!

Государева служба была тяжела, от нее стонали дворяне, они негодовали на государя. Когда в 1725 году Петр умер, против одного полковника было начато следственное дело. Его сосед позвал на похороны государя, а тот и ответил: «А что мне там делать, я в деревню отпущен, двадцать лет там не был, не пойду!». Но были и другие дворяне. Один из них, бедный дворянин Иван Неплюев, выучившийся на моряка, так понравился своим разумением царю, что тот направил его российским посланником в Стамбул, и Неплюев прекрасно справлялся со своими обязанностями. Он вспоминал, как царь его напутствовал словами: «Не кланяйся, братец, я вам от Бога приставник, а должность моя – смотреть того, чтоб недостойному места не дать, а у достойного не отнять: буде хорош будешь – не мне, а более себе и отечеству добро сделаешь, а буде худ – так я тебе истец, ибо Бог от меня за всех вас требует, чтобы злomu и глупому не дать вред делать. Служи верой и правдой. Бог, а по нему и я не оставлю тебя».

*Заглянем в источник*

*Все виды службы – военной, придворной, гражданской – были сведены Петром в знаменитой Табели о рангах, обойти которую дворянин не мог, а был обязан служить, поднимаясь с одной ступеньки (чина) на другую. И здесь тоже, по мысли Петра, выслуга была породу. Когда Военная коллегия запросила императора:*

*«Как считать знатное шляхетство: по дворовому ли числу (от ста крестьянских дворов и выше) или по Табели о рангах до которого класса», Петр ответил: «Знатное дворянство по годности*

*считать... Никому никакого ранга не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут и за оные характеры (т. е. оценки. – Е. А.) не получают».*

*Петр предусмотрел, чтобы дворяне не рассчитывали отсидеться от службы в своих имениях, надеясь на наследство. В 1714 году был принят закон о единонаследии. Все виды земельной собственности признавались единой недвижимой собственностью, которую наследовал только один, старший сын, а остальные, как написал в указе Петр, «не будут праздны, ибо принуждены будут хлеба своего искать службою, учением, торгами и прочим. И то все, что оные сделают вновь для своего пропитания, государственная польза есть».*

После этого можно понять чувства Неплюева, который, узнав о смерти Петра, писал, что несколько дней плакал, ибо «сей монарх Отечество наше привел в сравнение с прочими, научил узнавать нас, что и мы люди, одним словом, на что в России ни взгляни, все его началом имеет... а мне собственно, сверх вышеписанного, был государь и отец милосердный».

Как бы то ни было, XVIII век не оказался безвозвратно потерянным для любезного многим дела свободы. Замкнутый круг деспотизма и свободы все-таки кое-кто пытался разорвать. Так случилось, что «рабовладельческое дворянство» при Петре не только было глухо застегнуто в служилые мундиры, лишено права жениться (пока не выучится), не могло по своей воле передавать в наследство имения, но и приобрело ряд навыков и принципов, присущих европейскому дворянству. Несмотря на всеобщую «азиатчину», понятия дворянской чести, благородного поведения дворянина становились достоянием даже не самых высоколобых дворян, а вполне заурядных, которые были готовы, защищая свое имя и честь, встать со шпагой в «дуельную позытуру».

Государь дал могучий толчок развитию дворянского самосознания («И мы люди!»), росту самоуважения, привил понятия достоинства, высокие представления о служении России, истине (что не всегда совпадало!). Российское дворянство стало «закваской» многих благодатных для России явлений, а уж культуру без дворянства в России представить невозможно. Посмотрим дворянские списки того времени: почти каждая фамилия позже, уже через 50—70 лет, дала блестящего потомка: Аксаков, Алябьев, Анненков, Апухтин, Арцыбашев, Балакирев... Через несколько страниц: Мусоргский, Милюков, Скрябин, Сомов, Столыпин, Суворов, Писемский, Полонский, Потемкин, Пушкин... И так до конца: Чаадаев, Чаплыгин, Чебышев, Яблочков, Языков, Якушкин... И все эти люди – потомки петровских недорослей. Эти недоросли стали дедами и прадедами знаменитых писателей, композиторов, пол-

ководцев, реформаторов, государственных деятелей – словом, соли Русской земли. Им и их потомкам Россия во многом обязана свободой и зарождением ныне элементов гражданского общества.

#### *Заметки на полях*

*Постоянно помня, что Петр I был сыном и внуком русских самодержцев, нельзя не отметить сознательного уничтожения царем-реформатором многих тех начал Московской Руси, тех принципов «старинны», которые (при естественном разложении старого московского порядка) могли способствовать складыванию гражданского общества в России. О чем идет речь? Во-первых, мы видим, как петровская эпоха уничтожила юридическое понятие «вольный человек». Под широко распространенным юридическим понятием «вольные и гулящие люди» допетровская эпоха понимала категорию лично свободных людей, пополнявшуюся из вышедших на волю холопов, детей служилых и тяглых крестьян и т. д. Из их среды вербовались служилые, новые холопы. Массы таких вольных людей составляли главный резерв свободной рабочей силы – основы основ капитализма. Тысячи «вольных» и «гулящих» обслуживали водные пути, работали на первых частных мануфактурах.*

*Петровская эпоха покончила с этими свободными людьми. Уже Палата об уложении 1700 года записала, что необходимо отменить 20-ю статью Соборного Уложения 1649 года о приеме в жительство к помещику «вольных людей». Там было прямо сказано: «Сию статью оставить... для того, что... вольных, oprичь церковников, никого нет». В ходе дальнейших реформ Петр I провел учет и церковников.*

*Часть из них попала в штаты церквей, а остальные были отданы местным помещикам. А затем петровское законодательство вообще отказывалось признавать «вольных и гулящих». Они автоматически приравнивались к беглым, т. е. преступникам, и преследовались в соответствии с законами о беглых. Одним из следствий такой политики стало превращение русской промышленности в крепостническую. Она опиралась только на труд крепостных крестьян владельцев заводов и приписных крестьян.*

*Со сходных позиций Петр I подходил и к понятиям политической свободы. Взяв за основу западноевропейский государственный опыт (Швеции, Дании, Франции), он полностью изъясил из копируемых в России учреждений все составляющие их суть органы выборного представительства с самого верха (парламент) до самого низа, т. е. до системы местного управления (выше упоминалась резолюция о введении шведского кирхшпиля: «В уездах из крестьянства умных людей нет»).*

*Важно заметить, что Петр четко представлял, что опыт самой демократичной страны того времени – Англии – абсолютно непригоден для России. В известном рассказе Андрея Нартова вполне в духе Петра записана концепция политической свободы, как ее понимал русский самодержец: «Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами, как невольниками. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Сии законы содержат в себе добро, а не вред государству. Аглинская вольность здесь не у места, как к стенке горох. Надлежит знать народ, как оным управлять... Полезное слушать я рад и от последнего подданного; руки, ноги, язык не скованы. Доступ до меня свободен – лишь бы не отягощали меня только бездельством... Тот свободен, кто не творит зла и послушен добру».*

*Такое понимание русской свободы закрепилось в сознании людей. В послепетровское время оно находило выражение в забавных резолюциях императрицы Анны Иоанновны: «Из Сибири его свободить, а жить ему в деревнях своих свободно, без выезда». Есть и другая формула русской свободы, записанная в документах: «человек вольный с указным папшпортом». Вот так которое столетие мы и жили: свободные без выезда или вольные с указным паспортом.*

*В целом можно сказать, что петровская эпоха резко сузила возможности иного, т. е. несамодержавного, некрепостнического, неполицейского развития России. Из многих вариантов движения в будущее благодаря петровскому «прогрессу через насилие» у России остался только один путь, по которому она шла до сих пор. Ясно, что в конце XVII века «ветер истории» дул в направлении реформ западного типа. Наверняка они были бы осуществлены, но не были бы такие жестокие, поспешные и бескомпромиссные. Известны слова В. О. Ключевского о том, что Петр «надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в поработанном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная».*